

Наталия Ильина

ВОЗМОЖНО, ТЫ ЭТО НИКОГДА НЕ ПРОЧИТАЕШЬ

**Они не дадут
тебе это сделать**

**Изнанка света, за которую
страшно заглянуть**

18+

Наталия Ильина

**Возможно, ты это никогда
не прочитаешь, они не
дадут тебе это сделать**

<https://litres.ru/73600082>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — не просто мистический роман. Это исповедь. Это крик. Это письмо, отправленное в бутылке через океан времени.

Алиса — успешный духовный учитель, чья жизнь соткана из мандал, медитаций, ретритов и благодарных учеников. Она верит, что несёт в мир свет, пока однажды не пересекает черту, о которой забывают вернувшиеся.

Смерть на зимней дороге - это только начало. Оказавшись в техническом коридоре мироздания, Алиса встречает того, кого считала своим наставником, и получает ответ на главный вопрос: кто же она на самом деле? Ей доверили шокирующую истину о происхождении человечества. За разглашение этих знаний назначена высшая плата - её жизнь.

«Возможно, ты это никогда не прочитаешь, они не дадут тебе это сделать» — это роман о цене выбора. О любви, что сильнее

законов мироздания. О девушке, которая ради свободы бросила вызов системе и нарушила тишину.

Содержание

Глава 1: Последние слова	5
Глава 2: Голубое озеро	10
Глава 3: Закрытая дверь	20
Глава 4: Камень на дне	28
Глава 5: Диалог в мерцающем круге	33
Глава 6: Бумажное солнце	39
Глава 7: Сундук с вопросами.	43
Глава 8: Святая Святых	48
Глава 9: Свет и Тень	54
Глава 10: Утренний эфир у горной реки	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Наталия Ильина

Возможно, ты это никогда не прочитаешь, они не дадут тебе это сделать

Глава 1: Последние слова

Воздух в комнате был густым, будто пропитан старым ладаном и страхом. Алиса сидела за деревянным столом, ее пальцы порхали по клавиатуре ноутбука с лихорадочной скоростью. Каждый стук клавиш отдавался в тишине болезненным эхом, слишком громким, слишком обличающим.

Вокруг, на стенах, висели мандалы – ее прежние щиты, ее прежние ключи.

Когда-то она вплетала в их узоры намерения: защиту, гармонию, познание. Теперь эти спирали и геометрические лабиринты смотрели на нее чужими, многоглазыми существами.

В паре метров от нее висел большой круг, вышитый серебряной нитью по темно-синему бархату. Раньше он успокаивал. Теперь она ловила себя на мысли, что центральная

точка – бинду – медленно поворачивается, следя за ней, как зрачок.

На полках теснились хрустальные шары, свечи в причудливых подсвечниках, стопки карт Таро в шелковых платках. Ее старый арсенал. Теперь от всего этого веяло холодком, не принадлежащим этому миру.

Казалось, предметы впитывали ее прежние молитвы и шепоты, чтобы теперь излучать обратное – тихое, настойчивое предупреждение. «Молчи».

Но она не могла молчать. Не после того, что узнала.

Авария. Лед. Скрежет металла, всепоглощающая темнота, а потом... Не свет. Не тоннель. Место. Безвременное, безвоздушное. Там были они. Сущности из вещества, похожего на сгущенную память и тень. Они не говорили словами, но смысл входил прямо в сознание, холодный и неоспоримый: ее путь на земле не закончен, но увиденное должно остаться при ней. Нарушишь договор – заберем. Навсегда.

Она пришла в себя почти через четыре месяца. И первое, что почувствовала, вернувшись в свое тело, – не боль, а ледяной ожог того запрета в самой глубине души.

Год она пыталась жить как прежде. Но мандалы стали похожи на ловушки. Карты показывали только один и тот же аркан – «Повешенный», молчаливая жертва. Во снах они стояли у изголовья, безликие, выжидающие.

И сегодня, глядя на новости – на бесконечную череду войн, боли и бессмысленности, – она поняла— тайна, кото-

рую ей доверили (или в которой обвинили), не про личное спасение. Она про устройство всего. Про то, что ждет каждого. И это было не утешительно. Это меняло все.

Страх сковал горло, когда она создала новый пост на страничке в социальной сети, когда-то таком родном, где она учила людей гармонии и медитации. Теперь она собиралась рассказать им о настоящей тьме и настоящем свете, которые на самом деле – одно и то же.

«Вы не представляете, что такое тишина за гранью», – начала она.

Окно было закрыто, но шелк на абажуре рядом колыхнулся, будто от дыхания.

Алиса вздрогнула, впилась взглядом в углы комнаты. Тени стали гуще? Или это игра умирающего вечернего света?

Ей почудилось движение за спиной, в отражении хрустального шара. Она обернулась. Никого. Только ее собственное бледное, искаженное ужасом лицо мелькнуло в полированной поверхности.

Она продолжила печатать, пальцы дрожали, сбивались.

«Там нет любви в нашем понимании. Нет суда. Есть только... осознание. Полное, безжалостное, где ты – вся твоя жизнь, каждое слово, каждый выбор, – разворачивается перед тобой как единый акт. И ты сам себя судишь безграничным стыдом или безграничным принятием. И они... они лишь зрители этого процесса».

На стене мандала с серебряной нитью вдруг едва замет-

но качнулась. Без сквозняка. Сердце Алисы упало где-то в районе живота, превратившись в ледяной комок. Времени не оставалось. Они чувствуют. Чувствуют нарушение договора.

Она писала быстрее, забывая дышать, строчки рождались кривыми и обрывистыми, зато правдивыми – единственной правдой, которая у нее теперь была.

«Мы боимся не смерти. Мы боимся этого момента абсолютной правды. И эта жизнь – не школа, не испытание. Это последнее убежище, где мы можем врать себе. Единственное место, где есть милость неведения».

По комнате прошел звук – тихий, будто кто-то провел длинным ногтем по стеклу. Стеклу, которого здесь не было. Алиса замерла, глаза расширились. Температура в комнате упала на несколько градусов за секунду. Она увидела свое дыхание – белесое облачко в сгущающихся сумерках.

Нет, пожалуйста, еще немного. Пусть они прочитают. Пусть хоть кто-то узнает.

Слезы застилали глаза, но она яростно протерла их и уставилась на экран. Последние предложения. Самое главное.

«Они не приходят за твоей душой. Они приходят за твоей тайной. За той правдой, которую ты носишь в себе и боишься признать. И единственное, что им нужно это твой...»

Тень в углу комнаты отделилась от стены. Она не имела формы, но была плотнее тьмы. Хрустальный шар на полке вдруг тускло вспыхнул изнутри мертвенным, серо-лиловым светом.

Алиса вскрикнула, но ее пальцы, будто налитые свинцом, допечатали последнее слово:

«...свет».

Она потянулась к кнопке «Опубликовать». В тот же миг дверь в комнату, которую она точно закрыла на ключ, с тихим щелчком... приоткрылась.

В проеме не было никого. Был только холод и беззвучный зов, от которого застывала кровь.

Алиса медленно, очень медленно оторвала взгляд от экрана, где пост был отправлен в сеть. Секунда. Две. Ее лицо казалось не то ужасом, не то странным, невероятным облегчением.

Она смотрела в пустой, наполненный тенью проем и шептала уже не миру, а тому, что пришло:

«Я успела».

А на экране ноутбука последняя строчка ее послания миру мерцала в тишине опустевшей комнаты, где мандалы на стенах наконец перестали быть чужими. Они просто стали вещами. Безжизненными и немymi.

Глава 2: Голубое озеро

За три года до тишины, наполненной стуком клавиш.

В квартире пахло шалфеем и свежеиспеченными пряниками. Алиса, подобно вихрю в ярком платье цвета индиго, металась между комнатой и прихожей, проверяя список в телефоне в сотый раз.

Ее длинные прямые волосы цвета спелой пшеницы развевались за ней, ловя солнечные лучи, льющиеся из окна. В свои двадцать шесть она была воплощением лёгкости и энергии: стройная, подтянутая фигура, глаза такого голубого оттенка, что в них хотелось смотреть бесконечно, как в летнее небо. Яркое платье цвета индиго облегалo её точёную фигуру, подчёркивая каждый грациозный шаг.

– Кристаллы? Проверила! Шалфей и кедр? Тут! – она зажмурилась, пытаясь вспомнить, где вчера оставила карты Таро. – Карты... Где же карты? А, вот они! – луч солнца упал на уголок шёлкового платка, выглядывающего из-под подушки, в который они были завёрнуты и Алиса с облегчением выдохнула.

– Дыши, звезда моя, – раздался спокойный, тёплый голос из-за спины.

Она обернулась. В дверях, прислонившись плечом к ко-

сяку, стоял Максим. В свои тридцать лет, он был для нее воплощением надёжности и спокойной мужской силы. Высокого роста, худощавый, но с той особой, подтянутой фигурой, которая выдаёт в нём человека, привыкшего к физическим практикам и внимательного к своему телу.

Тёмные, чуть волнистые волосы мягко падали ему на лоб, обрамляя выразительное лицо с правильными чертами. Глаза, такие же голубые, как у неё, но другого оттенка, более глубокие, с сероватой поволокой, в которых всегда мерцал тихий, понимающий свет. Лёгкая небритость, уже ставшая его привычным спутником в последние дни сборов, придавала ему чуть расслабленный, но бесконечно притягательный вид.

Он улыбнулся той самой улыбкой, от которой у Алисы всегда таяло сердце, и шагнул к ней, чтобы поправить ремешок её переполненной дорожной сумки, проверить застёжки, подтянуть лямки, сделать всё то, о чём она в своей суете всегда забывала.

– Ты всё собрала еще вчера, – мягко напомнил он, поправляя выбившуюся прядь её волос, упавшую на лицо.

– И позавчера. И даже лунный камень для ритуала у воды, который ты придумала сегодня утром, уже лежит в синем мешочке. Смотри.

Он протянул ей небольшой бархатный мешочек. Алиса развязала его, и гладкий, прохладный камень, ловящий свет, выкатился ей на ладонь.

Она взглянула на Максима, на его чуть прищуренные, лучистые глаза, на тени от длинных и густых ресниц, на эту его неизменную полуулыбку, в которой было столько нежности и уверенности, и всё её напряжение растворилось без следа. Он был её якорем, её самым надёжным проводником в этом мире. Рядом с ним даже хаос сборов превращался в часть общего, прекрасного приключения.

Она шагнула к нему, прижалась на миг щекой к его груди, вдыхая знакомый запах, смесь кедрового масла, которым он смазывал варганы, и тонкого, чуть терпкого аромата его кожи.

– Спасибо, что ты есть, – выдохнула она, глядя снизу вверх в его глаза.

Вместе они медитировали на рассвете, встречали полнолуние, изучали языки света и энергии. Вместе верили, искренне и безоглядно, что могут сделать этот мир чуть добрее, чуть гармоничнее. И глядя на них сейчас, на эту высокую, худощавую фигуру в простой льняной рубаше и на хрупкую, но полную огня девушку в синем, в это верилось без труда.

Ее жизнь всегда была немного «тоныше» обычной. Еще ребенком она знала, о чем думает соседская кошка, а во сне пила чай со своей давно ушедшей прабабушкой, которая давала удивительно точные житейские советы.

Подростком она обнаружила, что может «нырять» в сны и путешествовать в них, не как сновидец, а как осознанный

посетитель.

Она видела поля сражений прошлого, ощущала тепло от очагов древних поселений. Однажды даже разговаривала с женщиной в странной одежде, которая называла себя ее наставницей из «пространства между жизнями».

Эти встречи наполняли ее невероятным чувством благодати и принадлежности к чему-то огромному, родовому, вечному. Ей казалось, что весь ее род, живой светящийся канал за спиной, благословляет каждый ее шаг.

И вот теперь – ее звездный час. Ее блог, где она мягко и поэтично рассказывала о духовных поисках, о любви к себе, о диалоге с миром, набрал невероятную популярность. Люди писали, что ее слова приносят покой. А сейчас ее ждал первый большой ретрит. Не просто мастер – класс, а трехдневное путешествие – погружение.

Они летели в горы, к Голубому озеру, месту силы, о котором она столько слышала. Она должна была провести группу единомышленников в «нижний мир», слой реальности, где обитают животные – проводники и хранители, чтобы каждый нашел своего помощника.

В самолете, глядя на проплывающие внизу облачные поля, она взяла Максима за руку.

– Чувствую, как прабабушка Лида поддерживает меня, – тихо сказала она, закрыв глаза.

– Она всегда говорила «Не бойся глубины, там корни мудрости». Она так радуется за меня.

За окном авиалайнера сияло солнце. Горы встретили их кристально чистым воздухом, пахнущим хвоей и каменной свежестью.

Голубое озеро, увиденное впервые, захватило дух. Оно не просто было голубым, оно светилось изнутри сапфировым сиянием, будто в его чаше лежала не вода, а расплавленная драгоценность.

Первые два дня ретрита прошли как прекрасный, легкий сон. Йога на рассвете у воды, когда туман стелился по зеркальной глади. Медитации под звуки поющих чаш, от которых мурашки бежали по коже не от страха, а от узнавания, от резонанса.

Вечерние беседы у костра, где люди открывали сердца. Алиса парила. Она чувствовала, как каждое ее слово попадает точно в цель, как свет в ее груди льется наружу, окутывая всех присутствующих теплом и принятием.

Максим, как верный оруженосец, помогал во всем, то музыкой настраивал пространство, то молча подносил ей теплый плед.

Наступила кульминационная ночь. Группа расположилась в тихой сосновой роще у озера. В центре, на специально расчищенной площадке, горел небольшой костер, а вокруг в чашах мерцали свечи. Алиса, в белом платье, с распущенными волосами, чувствовала себя не преподавателем, а проводником, чистым каналом.

– Мы закроем глаза и вместе отправимся в путешествие,

– ее голос звучал мелодично и уверенно.

– Найдите своего внутреннего хранителя. Попросите его показать вам врата. А я буду вашей путеводной нитью.

Она начала вести медитацию, описывая спуск по корню мирового древа, проход через пещеру, выход к подземной реке. Ее слова текли плавно, рождаясь не в голове, а где-то в глубине сердца. И пока она вела за собой других, сама она ощущала невероятную мощь.

Ее сознание, как луч прожектора, пронзало привычные слои реальности. Она видела тех, кого вела, их светящиеся формы, их неуверенных, но любопытных духов – проводников в облике волков, орлов, лисиц.

И тогда, в самой глубине этого коллективного погружения, она почувствовала зов. Он пришел не как звук, скорее как вибрация, как ток, пробежавший по самой сердцевине её существа. Там, где-то под чашей озера, под тоннами каменной породы, под слоями реальности, которые она привыкла считать незыблемыми, что-то откликнулось.

Это не было похоже ни на голос помощников из нижнего мира, ни на тихое присутствие наставников из снов. Это было древнее. Настолько древнее, что само понятие времени теряло смысл.

Оно было безликим, но в этой безликости чувствовалась такая глубина, такая мощь, что у Алисы перехватило дыхание там, где дышать было уже нечем.

Это было невероятно, пугающе и сладко притягательно

одновременно.

Зов обволакивал. Он тек откуда-то снизу, из-под дна озера, из-под корней гор, из той первозданной тьмы, что лежит под всеми нижними мирами, какие только можно вообразить.

Он не звал — он манил. Как огонь манит мотылька. Как глубина манит уставшего пловца. Как голос матери манит заблудившегося в лесу ребенка.

Будто кто-то, знавший её всегда, задолго до этого воплощения, задолго до появления этой планеты, наконец-то дождался и тихо, с бесконечным терпением, позвал — «Иди сюда. Я здесь. Я ждал. Ты моя».

Алиса замерла. Её сознание, только что парившее над светящимися формами учеников, дрогнуло и начало крениться вниз, в ту сторону, откуда шёл зов. Она перестала чувствовать себя проводницей. Она перестала чувствовать себя Алисой. Осталось только это тягучее, сладкое, неодолимое притяжение.

И вместе с этим маревом в Алису хлынуло обещание. Не словами, образами, ощущениями, пронзительным знанием — там, внизу, её ждут ответы. На все вопросы, которые она боялась задать. На все сомнения, что грызли её по ночам. На ту самую правду об устройстве мироздания, которую она чувствовала кожей, но не могла облечь в слова.

Там было знание, лежащее за гранью света и тьмы, за гранью любви и страха, которыми она привыкла оперировать в

своих учениях.

И в этот миг внутри неё, где-то в самой глубине, куда не добирались ни слова, ни мысли, помимо ее воли, что-то откликнулось.

Не разум. Не сердце. Не та часть, что любила Максима, помнила бабушкины пироги и боялась темноты в детстве.

Это была иная часть, та, что всегда молчала, та, что не принадлежала этой реальности. Она возликовала. Беззвучно, но так остро, что Алиса едва не задохнулась от нахлынувшего чувства.

«Я иду – пульсировало в ней. – Ты слышишь? Ты помнишь? Ты знаешь этот голос. Ты всегда его знала».

Она не могла объяснить, откуда это чувство. Оно просто было. Будто всю жизнь она носила в себе запечатанный сосуд, и вот крышка приоткрылась, выпуская наружу нечто древнее, огромное, невыразимое.

Часть её, о существовании которой она даже не подозревала, тянулась навстречу зову.

Она хотела ответить. Хотела шагнуть туда, раствориться в этом обещании, отдаться этому току, уносящему в бездну, где ждали ответы.

На миг её голос, ведущий медитацию, дрогнул, сорвался, превратившись в беззвучный выдох. Слова застряли в горле. Она почти перестала их слышать, остался только зов, пульсирующий в каждой клетке, в каждой невидимой частице её существа. Но тут рядом, в материальном мире, который вдруг

показался таким далёким и неважным, Максим тихо пере-
ставил поющую чашу.

Чистый, вибрирующий звук – дзинь – пробил толщу на-
важдения, как камень пробивает тонкий лёд.

Он вошёл в неё не через уши, а через самую сердцевину,
туда, где ликовала та, иная часть, и мягко, но настойчиво
напомнил:

«Ты здесь. Ты нужна здесь. Ты не одна».

Алиса вздрогнула, сделала глубокий вдох, первый за те
секунды, что длились вечность, и с усилием, с почти физи-
ческим сопротивлением, отвела сознание от зова.

Она мягко, но твердо повела группу обратно. К свету ко-
стра. К звукам ночного леса. К безопасности. Никто ничего
не заметил.

Когда все открыли глаза, многие плакали. Не от горя, от
умиротворения, от глубины пережитого, от той самой благо-
дати, которую они искали. Её обнимали, благодарили, смот-
рели на неё с восхищением.

Это был триумф. Алиса улыбалась, обнимала Максима,
принимала поздравления. Она была на пике. Она была про-
водником, учителем, любимой, благословенной.

Но в самой глубине, там, где только что ликовала та, иная
часть, теперь зияла тишина. Не пустая – ожидающая.

Она смотрела на тёмную гладь Голубого озера, на отраже-
ние звёзд в его сапфировой глубине, и знала – зов не исчез.
Он ждёт. Ждет, что однажды она ответит. Не сейчас. Потом.

Когда придёт время.

А пока она прижималась к Максиму, вдыхала запах костра и ночного леса и пыталась убедить себя, что всё хорошо. Что она сделала правильный выбор. Но та, иная часть внутри неё, уже знала правду. Свет и тьма были лишь словами. А то, что звало её из-под дна озера, было чем-то бóльшим. Тем, чему нет названия на человеческом языке. И оно узнало её.

Глава 3: Закрытая дверь

Возвращение домой после Голубого озера было похоже на выход из яркого, насыщенного цветом сна, в черно-белую реальность высокого разрешения. Воздух в собственной квартире показался Алисе плоским, лишенным вибраций горного эфира. Но мир требовал своего, телефон трещал поздравлениями, сообщения в соцсетях сыпались как конфетти.

– Ты меняешь жизни, Алис! Это было невероятно! – звенел голос одной из участниц в трубке.

– Спасибо, – автоматически улыбалась Алиса, глядя в окно на знакомый двор. – Это было общее путешествие.

Она писала вдохновенный пост для блога о синхронности, о силе сообщества, о животных – проводниках, которых обрели участники. Фотографии с сияющими лицами, озеро на рассвете, дымок от шалфея.

Слова лились легко, но где-то глубоко внутри лежал холодный, твердый камень – память о том ином зове. О том, что лежало глубже «нижнего мира».

Максим был ее опорой. Он распаковал вещи, заварил ее любимый чай с имбирем и медом, с гордостью читал хвалебные комментарии.

– Я же говорил, ты – солнце, – обнимал он ее за плечи, пока она склонилась над ноутбуком. – Ты всем показала путь,

так бережно провела.

«Расскажи ему, – стучало в висках. – Расскажи про тот голос из-под дна. Про обещание бездны. Он поймет».

Она открывала рот, поворачивалась к нему, и...

– Слушай, надо подумать над программой следующего ре-
трита. Хочу добавить работу с родовой линией, – слышала
собственный голос, болтающий о планах, о новой команде
помощников, о перспективах.

Слова о зове таяли на языке, как лед, оставляя лишь смут-
ный привкус тревоги. Что-то внутри, какой-то древний, не
ее собственный инстинкт, запрещал. Это не было страхом
осуждения. Это было физическим ощущением, будто язык
немел, а горло сжималось, стоило попытаться сформулиро-
вать мысль.

Ночью, когда Максим уже спал, и шум цифрового успеха
затих, Алиса решила пойти привычным путем, спросить у
тех, кто всегда отвечал. У своего рода.

Она расстелила коврик, зажгла одну свечу – ровный, спо-
койный огонек, который всегда помогал настроиться на нуж-
ную волну. Глубокий вдох. Медленный выдох. Границы тела
начали таять, растворяться в теплом полумраке комнаты.

Первое, что пришло – тепло. Оно разлилось в груди, зна-
комое, родное, пропитанное запахом яблочных пирогов и
старого бабушкиного сундука. Алиса улыбнулась, позволяя
этому теплу заполнить каждую клетку.

Перед внутренним взором начали проступать очертания:

неяркий, мягкий свет, знакомый платок, повязанный по-деревенски, добрые морщинки у глаз. Образ проявлялся медленно, но уверенно, как фотография в проявителе.

«Бабушка... я здесь, – мысленно позвала Алиса, вкладывая в этот зов всю свою тоску, всю любовь, всю благодарность. – У меня все хорошо. Ретрит был прекрасным. Я так чувствовала твою поддержку там, у озера. Спасибо тебе».

Образ стал четче, объемнее. Алиса почти физически ощутила шершавую, теплую ладонь, коснувшуюся ее щеки, легкое, успокаивающее прикосновение, от которого по телу пробежались мурашки. Она попыталась проследить, где именно в теле откликается это тепло: в сердце, в солнечном сплетении, в ладонях. Все откликалось. Все пело в унисон.

«Радость моя, светик... – пришел ответ. Не словами, а цельным, плотным сгустком смысла, в котором было растворено все: любовь, принятие, гордость, нежность. – Ты на своем пути. Род за тобой наблюдает. Мы все радуемся. Продолжай».

Алиса купалась в этом тепле, в этом чувстве абсолютной защищенности и правильности. Именно так и должно быть. Именно это она искала в каждой медитации.

И тогда, набравшись смелости, чувствуя, что сейчас самый подходящий момент, она задала главный вопрос – тот, что свербел в подкорке с самого возвращения с Голубого озера.

«Бабушка... а что лежит за пределами? Глубже тех миров,

которые я знаю? Я почувствовала там... зов. Он шел откуда-то из-под дна озера, из-под гор. Ты знаешь, что это? Откуда он?»

И в ту же секунду произошло то, чего никогда не случилось раньше.

Картинка дрогнула. Буквально, как рябь на воде, как помехи на старом телевизоре, когда пропадает сигнал. Лицо бабушки поплыло, черты расползлись, на миг став почти неузнаваемыми. Тепло не исчезло, оно осталось, но теперь сквозь него, как тонкая, ледяная струйка, пробивалось что-то иное. Холодное. Настороженное. Контролирующее.

«Не... туда...»

Ответ пришел рваный, искаженный, будто сквозь сильные помехи. Слова-смыслы терялись, рассыпались, не долетали до цели.

«Не твое... Не сейчас... Не надо...»

Алиса почувствовала, как связь, такая прочная, такая надежная всего мгновение назад – начала выталкивать ее. Не рвать, а именно выталкивать, как вода выталкивает пробку, пытающуюся утонуть.

Она открыла глаза.

Сердце колотилось где-то в горле. Свеча на полу мигала, хотя никакого сквозняка в комнате не было. Алиса сидела на коврикe, обхватив колени, и пыталась отдышаться.

Что это было?

Она успокоила дыхание. Привела себя в порядок. Реши-

ла, что просто неправильно сформулировала вопрос, что бабушка не расслышала, что помехи возникли из-за ее собственного волнения.

Надо попробовать еще раз. Аккуратнее. Обходным путем. Она снова закрыла глаза. Снова вошла в медитацию. Снова дождалась тепла, появления образа, прикосновения родной души.

«Бабушка, – начала она осторожно, подбирая слова, как сапер подбирает провода. – Расскажи про ваш мир? Куда ведут все пути?»

Эффект был мгновенным и сокрушительным.

Ее не просто выкинуло из транса – ее вышвырнуло. С такой силой, что на секунду перехватило дыхание, а в ушах зазвенел высокий, ледяной звон, от которого заломило виски.

Но самое страшное случилось в тот краткий миг, когда связь еще держалась, она увидела— за образом бабушки, за этим родным, любимым лицом, за теплом и светом, там, в глубине, куда не должен был проникать ее взгляд, зияла пустота. Не тьма. Не холод. А абсолютное, всепоглощающее Ничто, лишенное каких-либо характеристик. Ничто, которое было хуже любой самой страшной тьмы, потому что тьму можно ощутить, можно назвать, можно даже испугаться. А это было отсутствием всего. Даже отсутствием самого отсутствия.

Алиса распахнула глаза, хватая ртом воздух, как утопающий. Сердце выпрыгивало из груди. Свеча на полу догорала,

нервно подрагивая огоньком.

Она сидела на коврике, обхватив колени, и ее трясло. Не от холода – от ледяного ужаса, засевшего где-то в солнечном сплетении.

Это был не ответ. Это был запрет.

Это был щелчок по носу. Четкий, недвусмысленный, на уровне законов мироздания, в котором она так уверенно ориентировалась. Ей, всегда жаждавшей знаний, всегда стремившейся заглянуть за горизонт, вдруг показали дверь и сказали: «Не стучи. Даже не подходи близко».

Но хуже запрета было другое.

Сомнение.

Алиса впервые в жизни столкнулась с ситуацией, когда ее чувства не совпадали с картинкой. Тепло было настоящим, она готова была поклясться.

Любовь, исходившая от образа, была подлинной, это отзывалось в каждой клетке. Но тот холод, та пустота за спиной бабушки, тот чужой, оценивающий взгляд из-за родного лица...

Что, если это была не она?

Мысль пришла внезапно и тут же показалась чудовищной, кошунственной. Конечно, это была она! Бабушка! Кто же еще мог так любить, так греть, так принимать?

Но сомнение уже поселилось в душе. Точило, как червь точит яблоко.

А не было ли здесь подлога?

Алиса вспомнила наставника в медитации, того, светлого, мудрого, всегда говорившего правильные слова. И его слова вдруг предстали в новом свете. Они были слишком... правильными. Слишком гладкими, настойчиво успокаивающими.

«Ты на верном пути. Продолжай. Веди людей. Твое предназначение — свет».

Ни одного вопроса. Ни одного сомнения. Ни одной трещины.

И бабушка сегодня. Как только она спросила о том, что лежит за пределами дозволенного, тепло сменилось холодом, любовь — контролем, а родное лицо на миг стало маской.

Что, если это была не бабушка? Что, если кто-то использовал ее образ, чтобы направлять меня, контролировать, не пускать туда, куда мне нужно?

От этой мысли становилось дурно. Это подрывало сами основы ее мира, ее веры, ее дара. Если она не могла доверять даже бабушке, что тогда оставалось?

Алиса просидела на коврике до глубокой ночи, глядя на догорающую свечу. В голове крутились обрывки фраз, образов, ощущений. Она пыталась поймать ту тонкую грань, где настоящее тепло переходило в чужеродный холод. Где любовь становилась контролем. Где родное лицо превращалось в маску.

И чем больше она думала, тем яснее понимала— что-то не так. С ней. Или с ними. Со всем этим миром, который она

считала своим.

Но сказать об этом вслух, признаться даже себе, не могла. Слишком страшно. Слишком больно.

Она встала, подошла к окну. Город спал. В ее уютной квартире висели мандалы, стояли кристаллы, лежали раскрашенные вручную барабаны для шаманских путешествий. Все эти инструменты вдруг показались ей детскими игрушками на фоне того, с чем она столкнулась. Игрушками, за которыми теперь как и за ней, кто-то наблюдает. Не с любовью. А с холодным, оценивающим вниманием сторожа, охраняющего запретную черту.

Алиса обернулась, взглянув на спальню, где спал Максим – ее якорь, ее вера в любовь и свет. Впервые за все время она почувствовала, что между ними появилась незримая стена. Стена из невысказанного, зова и неполученных ответов. И тихого, нарастающего ужаса от понимания, что некоторые двери лучше не открывать. Так как, обратно можно не вернуться.

Глава 4: Камень на дне

Солнце врывалось в спальню длинными, пыльными лучами, в которых танцевали мириады мельчайших частиц. Оно будило не резко, а ласково, касаясь век, разгоняя остатки сна. Алиса проснулась от прикосновения. Не от толчка, а от легкого, едва уловимого движения пальцев Максима по ее обнаженной спине. Он рисовал что-то бессмысленное и прекрасное, и каждый след его прикосновения был как стежок, сшивающий их ауры в единое, теплое, сонное полотно.

Она перевернулась, встретившись с ним взглядом. В его глазах было то утрошнее, немного размытое обожание, смешанное с пробуждающейся страстью. Ни слова не было сказано. Их губы встретились в медленном, сонном поцелуе, который быстро набирал глубину и жару. Его руки, большие и твердые, скользили по ее бокам, а ее пальцы впились в его волосы.

В этот раз было иначе. Не просто страсть, а что-то похожее на ритуал.

Дыхание синхронизировалось, сердца начали биться в один такт. И когда их тела соединились, возникло почти осязаемое чувство циркуляции энергии – невидимый, раскаленный круг, который бежал от его сердца к ее сердцу, опускался вниз, в точку их соединения, и снова взмывал вверх, с

каждым витком становясь интенсивнее, ярче, нестерпимее. Это было похоже на самозаводящийся механизм экстаза. Оргазм накатил не волной, а взрывом, раскаленным и ослепительным, и заглушил их крики в поцелуе, завершив цикл там же, где начали – в слиянии дыхания.

Они лежали, тяжело дыша, сплетенные в один влажный, пахнущий кожей и счастьем узел. Максим нежно откинул с ее лба мокрые от испарины пряди волос. Его взгляд был мягким, полным, но затем в нем мелькнула тень беспокойства. Он видел не только блаженство на ее лице, но и что-то отстраненное, затаившееся в глубине ее широко открытых глаз, смотревших в потолок.

– Алис? – его голос был тихим, хрипловатым от недавнего напряжения. – Ты здесь?

Она моргнула, словно возвращаясь из далекого путешествия, и слабо улыбнулась.

– Я здесь. Всегда здесь с тобой.

– Не совсем, – он приподнялся на локоть, не отпуская ее. – Я же вижу. Ты замкнулась. Уже который день. Тебя что-то гложет.

Алиса вздохнула. Этот вздох шел откуда-то из самых глубин, сметая остатки утренней неги. Она повернулась к нему, ища в его глазах опору. Рассказать про зов? Нет. Горло сжалось в знакомом спазме запрета. Но молчать стало невыносимо.

– Это... с бабушкой, – выдохнула она, глядя куда-то мимо

его плеча. — Я пытаюсь к ней выйти в медитации. Как раньше. А меня... выкидывает. Картинка рвется, звук пропадает. Будто кто-то нажимает стоп.

Она замолчала, собираясь с духом.

— И это заставляет меня думать... Что что-то идет не так. Раньше все было так ясно. Любовь, свет, проводничество. Никакого холода, никаких сомнений. А теперь... теперь я чувствую, будто играю в песочнице, а за забором стоит кто-то огромный и молчаливый, он ведет свою игру и мои правила его не касаются. И он не хочет, чтобы я об этом знала.

Глаза ее блестели, не от слез, а от растерянности и уязвленной гордости проводницы, которая вдруг обнаружила, что сама идет по чужой тропе с повязкой на глазах.

Максим слушал внимательно, не перебивая. Он не стал отмахиваться, говорить «показалось». Он знал ее и ее мир слишком хорошо. Вместо этого он обнял ее крепче, прижав к себе.

— Солнышко, даже у самого чистого родника на дне может лежать холодный камень. Это не значит, что родник отравлен. Это значит, что он — глубже, чем мы думали. Дай этому время.

Он помолчал, глядя ее по плечу.

— Помнишь, я консультировался у Владимира, того шамана, когда у меня был кризис? Он очень тогда мне помог разобраться в себе, нашел корень проблемы. Давай съездим к нему? Не как к учителю, а как к... картографу. Попросим

взглянуть со стороны. Может, он подскажет, почему твой канал вдруг «зашумел».

Идея упала на благодатную почву. Взгляд Алисы прояснился. Да! Владимир. Мудрый, немногословный, видевший вещи напрямую, без эзотерических покровов. Он не говорил о любви и свете, он говорил о балансе, долге и уважении к силам. Это был шанс. Шанс получить ответ, не спрашивая напрямую о запретном зове.

– Да, – сказала она, и в ее голосе вновь зазвучала энергия, почти забытая радость. – Это хорошая мысль. Поедем.

Она поцеловала его в губы, уже не с отчаянием, а с благодарностью. Он снова нашел для нее спасательный круг. Тень отступила, отодвинутая на время практичным планом действий.

И Алиса, как пружина, выпущенная из-под гнета, вернулась в свою жизнь. Она вскочила с кровати, накинула халат и почти побежала к ноутбуку.

– Нет сначала в душ, потом кофе, – плавно разворачиваясь и сделав глубокий вдох-выдох. – И пусть весь мир подождет..., – почти нараспев и пританцовывая проговорила она.

« Совсем чуть-чуть.... и снова за работу!» – Донеслось уже из ванны.

Максим расплылся в умиленной улыбке и, растянувшись на кровати, стал ждать своей очереди в душ, радуясь, что можно еще немного понежиться.

Через двадцать минут Алиса с чашкой кофе уже сидела за

столом. Нужно было срочно ответить на комментарии, выложить новые фотографии с ретрита, начать планировать следующее путешествие, уже с новой, более глубокой (как ей теперь казалось) темой. Она строчила в блог, полная окрыляющей уверенности, что вот-вот все встанет на свои места. Что Владимир снимет с ее души этот непонятный груз, и она снова сможет парить в знакомых, теплых и безопасных слоях реальности, делаясь этим полетом со всем миром.

Она не оглядывалась на недописанный черновик, лежащий в самых глубинах ее рабочего стола. Файл с названием «Зов. Вопросы». Она отложила его «на потом». На после визита к шаману. Когда все прояснится.

Глава 5: Диалог в мерцающем круге

Поздний вечер окутал город бархатной синевой, и только в студии Алисы еще теплился живой, трепетный свет. Она прикрыла дверь в спальню, где под тяжелым одеялом, уставший от дня, уже посапывал Максим. Его дыхание было ровным, знакомым маяком в зыбком море ее мыслей.

Квартира-студия, ее убежище и царство, дышала тишиной. Большое пространство было зонировано не стенами, а потоками энергии и расставленными предметами силы. Там, где заканчивалась зона отдыха с мягким диваном и книжными полками, начинался ее кабинет – святая святых. Пол здесь был застелен мягким серым ковром, поглощающим звуки. На стенах висели мандалы. Много мандал. Вышитые нитями, нарисованные акрилом, сплетенные из веточек. Каждая – портал, история, защитный знак. Алиса медленно прошла вдоль стены, касаясь пальцами поверхности каждой работы. Под ее прикосновениями, казалось, оживали тихие вибрации: здесь была мандала-цветок, сотканная в период влюбленности, там геометрический лабиринт, помогавший собраться после тяжелого дня. Но теперь в этой привычной гармонии ей чудился отзвук чего-то чужого, будто за

знакомыми узорами притаился и наблюдает чей-то безликий взгляд.

Она подошла к центральной стене и сняла самое большое и мощное свое творение, круг из темно-синего бархата, вышитый серебряными нитями. Знак Мер-Ка-Ба. Две взаимопроникающие пирамиды, символ единства духа и материи, мужского и женского. Когда-то она вкладывала в эту вышивку часы сосредоточенного намерения, визуализируя вокруг себя вращающееся световое тело, безусловную любовь, непробиваемый щит и транспорт для путешествий.

Аккуратно, с почти религиозным пиететом, она расстелила бархатный круг в центре комнаты, прямо на ковре. Синий фон казался куском ночного неба, а серебро искрилось в свете ламп, как далекие звезды. Это был ее главный инструмент, последний рубеж защиты.

На этот раз она не стала полагаться на одну лишь медитацию. Ритуал должен был быть безупречным. По четырем сторонам от Меркабы она расставила кристаллы: сверху прозрачный кварц – для усиления намерения, аметист – для духовной связи справа, красную яшму – для защиты слева и черный турмалин для заземления у ног. Между ними зажгла четыре белые свечи в низких медных подсвечниках. На южную сторону, символизирующую стихию огня и трансформацию, поставила большую красную свечу. На северную сторону небольшую керамическую чашу с чистой водой – символ глубины, интуиции и приема информации. На востоке

расположились благовония – как символ стихии воздух. И на западной стороне принадлежащей стихии земли располагалась берестяная коробочка с солью и травами.

Все было готово. Она села в центр круга, скрестив ноги, почувствовав под собой мягкий бархат и прохладу пола. Дыхание замедлилось, углубилось. Она визуализировала, как из кристаллов в точках свечей вспыхивают лучи света, соединяясь над ее головой в пирамиду, а под ней, в перевернутую, создавая объемную, вращающуюся сферу защиты. И только внутри этого кокона она позволила сознанию погрузиться.

Темнота за веками наполнилась мягким золотистым свечением. Перед ее внутренним взором возник образ. Не четкая фигура, а скорее сгусток сияющей, теплой субстанции, излучающей безмерное спокойствие и мудрость. Ее наставник. Сущность, которую она всегда ощущала как высшее «Я», как источник любви и благодати. Слова не звучали, но смыслы рождались в ее сердце и тут же оформлялись в зрительные картины.

«Я готовлю новый ретрит. Хочу углубить путешествие в нижний мир. Чем его усилить?» – мысленно спросила Алиса.

В ответ перед ней, словно на внутреннем экране, развернулась панорама. Она увидела себя стоящей на развилке трех троп в серебристом лесу. С неба с легким свистом перьев спикировала и села ей на плечо птица Омру – величественный беркут-ворон с глазами цвета старого янтаря. Его образ донес мысль: «Я дам высоту и обзор. Помогу увидеть

путь с высоты духа, указать направление». Затем из-за сосен бесшумно вышла волчица Сулейма, серая тень с умными, красивыми, пронзительно-зелеными глазами. Ее присутствие означало: «Я дам чутье и верность стае. Помогу услышать тишайший шорох интуиции, не потерять контроль и связь с природой».

И, наконец, из-под земли, сотрясая корни деревьев, поднялся, сверкая чешуей, дракон Дайкон. Не огнедышащий монстр, а древний, покрытый изумрудной чешуей змей с крыльями из переливчатого дымчатого кварца. Его посыл был мощным и прямым: «Я дам доступ к силе самой земли, к памяти камней. Помогу сдвинуть внутренние блоки, дам энергию для трансформации».

«И к кому из них лучше обратиться для группы?» – уточнила Алиса.

Картина изменилась. Теперь она увидела всех трех существ, сплетающихся в единый, сложный узор вокруг символа сердца. Ответ пришел ясный: «Пусть каждый выберет сам. Представь их всех. Они помогут. И сердца учеников потянутся к нужному и найдут своего. Твой долг – лишь открыть дверь».

Алиса почувствовала привычное умиротворение. Все было логично, мудро, правильно. Но где-то в глубине, под слоем этого света, копошился червячок сомнения. Она собрала все свое мужество, стараясь не формулировать прямо про «зов», а обойти стороной.

«А я... я не свернула ли со своего пути? После озера... закрались сомнения. Будто я что-то упускаю. Или чего-то не вижу».

Образ наставника дрогнул, стал еще более лучистым, обволакивающим. Волны безоговорочного принятия и поддержки хлынули на нее.

«Дитя света, – пришел мягкий, но неоспоримый ответ. – Сомнения – лишь пыль на зеркале души. Ты на своем пути. Твоя задача – вести за собой других, зажигать в них искры. Это твое предназначение. Это великий дар и долг. Не позволяй мимолетным теням смутить твое сердце. Продолжай. Иди дальше».

Слова были идеальными. Такими, каких она сама ждала. Они должны были окрылить, развеять все тучи. Но... не развеяли. Внутри не вспыхнула прежняя, безудержная радость и уверенность. Вместо этого ее тихо, но настойчиво точила интуиция, тот самый внутренний компас, который никогда ее не обманывал. Он не кричал, не пугал. Он просто молча указывал в сторону, противоположную этому убаюкивающему свету, за пределы этого защитного круга и уютных образов проводников.

В этих убеждениях наставника была какая-то... предопределенность. Будто ее аккуратно возвращали на накатанную колею, закрывая глаза ладонью на что-то, лежащее за обочиной. Не зло. Нет. Но что-то, что делало ее предназначение не свободным выбором, а ролью в чужом, неведомом

ей спектакле.

Она медленно вышла из медитации, открыв глаза. Свечи догорали, отбрасывая длинные, пляшущие тени на стены с мандалами. Кристаллы лежали холодными, безжизненными камнями. Бархатная Меркаба под ней казалась просто красивой тканью.

Она глубоко вздохнула, глядя на чашу с водой, в которой теперь отражалось мерцание пламени. Разум был успокоен словами наставника. Но в душе, в самой ее животной, древней части, созрело окончательное, непоколебимое решение.

К шаману надо поехать. Не за советом, не с вопросами про ретрит. Не за утешением. А за правдой. Даже если она окажется той самой холодной глыбой на дне родника, о которой говорил Максим. Ей нужно было узнать, кто на самом деле нарисовал карту, по которой она так уверенно шла все эти годы.

Глава 6: Бумажное солнце

Дни смыкались в бесконечный, красивый, но изматывающий поток. Звенели поющие чаши в зале Максима, где он, сосредоточенный и спокойный, вел сессии звукового исцеления. Сменяя инструменты, от глубокого гула ханга до вибрирующей дрожи варгана, он помогал людям выпустить напряжение, раствориться в гармоничных вибрациях.

Рядом, в зале для йоги, голос Алисы, ровный и мягкий, вел учеников через асаны к внутренней тишине. Их миры переплетались, после классов медитации ученики покупали в их уютном магазинчике свечи, заряженные «на намерение», кристаллы для чакр, украшения собранные в ручную и обереги с символами, которые рисовала сама Алиса. Бизнес процветал, расписание было расписано по минутам, блог требовал нового контента. Духовность обрела четкий, успешный график.

Вечером, отложив ноутбук с черновиками постов о «балансе стихий», Алиса почувствовала себя выжатой, как лимон. В голове гудело от невысказанного. Она зажгла палочку сандала, и густой, сладковатый дымок медленно пополз к потолку, но не принес успокоения. Она просто легла на диван, уставившись в одну точку на потолке, где играла тень от листа комнатного растения. Она была пустой скорлупой,

красивой и начисто лишенной содержимого.

Звук открывающейся двери, мягкий звон ключей о керамическую тарелку на полке.

Максим.

Она не обернулась, лишь бессильно протянула руку назад, в пространство комнаты, желая ощутить привычное тепло его ладони, его прикосновение, которое всегда возвращало ее «домой».

Но вместо кожи она коснулась чего-то прохладного и шершавого. Бумаги... Конверт?

Она резко повернула голову. Максим стоял, улыбаясь загадочно и чуть устало, а в его руке был продолговатый конверт из плотной, фактурной бумаги. Детское, забытое за долгие месяцы взрослых забот любопытство вспыхнуло в ней, как искра. Она схватила конверт, быстро, почти жадно вскрыла его. Внутри лежали билеты на самолет. Названия города, дата... На Алтай.

Она подняла на него широко раскрытые глаза, полные надежды.

– Мы... мы летим? К Владимиру?

– Мы летим, – кивнул Максим, его улыбка стала шире, читая на ее лице бурю эмоций. – Мы созвонились. Он нас встретит, выделил гостевой домик. Сказал, что ждал звонка, будто почуял, что тебе надо к нему.

– Но... зал! Расписание! У нас же все расписано до конца месяца! Медитация в субботу! – выпалила она, машинально

хватаясь за висящий в воздухе каркас их общей, налаженной жизни, который мог дать трещину.

Максим сел рядом, взял ее холодные руки в свои теплые.

– Все устроил. Во-первых, я пригласил Степана, помнишь, того парня с глюкофоном? Он виртуоз. Он подменит меня на всех сессиях. Его музыка, как облако, люди будут в восторге. Во-вторых, Лена, наша помощница, возьмет часть твоих занятия по йоге. Она уже давно ведет свои классы, и все ее обожают.

– А медитации... – он сделал драматическую паузу, – Ты проведешь онлайн!

– Завтра с утра привезут и установят оборудование: профессиональную камеру мы возьмем с собой, микрофон, колонки и большой, широкий экран, чтобы тебя видели все участники – установят в зале. Ты сможешь провести практику прямо из нашей гостиницы. Или даже... представь- йога на рассвете у подножия гор, медитация в лесу у костра.... с Алтая...

Он говорил спокойно, обстоятельно, разбирая каждое ее возможное возражение как сложный, но решаемый пазл. У Алисы замирало сердце от разворачивающихся картин перед глазами.

И по мере его слов ледяная скорлупа усталости вокруг сердца Алисы начала трескаться и таять. Сквозь трещины хлынуло такое яркое, стремительное счастье, что у нее перехватило дыхание. Это был не просто побег. Это был спаса-

тельный круг, брошенный именно в тот момент, когда она уже почти перестала барахтаться. Это была возможность узнать, остановить внутренний разлад, вернуть себе целостность.

Она не сказала ни слова. Она просто бросилась ему на шею, смеясь и плача одновременно, сжимая в руке билеты, которые пахли не бумагой, а свободой и надеждой.

– Три дня, – прошептала она ему в плечо, уже строя планы. – Всего три дня на сборы. Надо ничего не забыть. Сейчас же составлю список!

И она оторвалась от него, побежав к столу за блокнотом, ее движения снова стали легкими и стремительными. Усталость испарилась, сгорела в адреналине предвкушения. Энергия, откуда-то из самых глубин, была ключом. Она листала страницы, строчила пункты: «теплый свитер», «записная книжка для консультации», «подарок Владимиру (?)», «ноутбук и камера для трансляции».

Максим наблюдал за ней, стоя у дивана, с тихой улыбкой на лице. Он видел не просто радость от поездки. Он видел, как в его любимой женщине, которая последние недели была тенью самой себя, снова зажглась искра. Искра жизни. Пусть даже, если ею двигала тревога и жажда правды, это было лучше, чем та пустота, в которой она медленно растворялась. Он был готов на все, лишь бы вернуть ей этот огонь. Даже если этот огонь однажды осветит что-то, отчего самому станет холодно.

Глава 7: Сундук с вопросами.

Радость от билетов переплавилась в деятельную, сосредоточенную энергию. Квартира превратилась в штаб по подготовке к экспедиции. Чемодан, раскрытый посреди комнаты, напоминал странный алтарь будущего.

Алиса укладывала вещи с тщательностью хирурга. На дно, завернутые в шелк, легли кристаллы – «Зарядить их в местах силы», – думала она. Рядом пристроился пакет с мотками ниток всех цветов и связка буковых палочек для плетения мандал, привычный механизм для успокоения рук, вдруг выпадет свободная минута. Скетчбук и карандаши для набросков. Все это было ее броней, ее профессиональным инструментарием, и она инстинктивно хваталась за него, как солдат за оружие перед неизведанным.

Перебирая содержимое ящика в столе, она наткнулась на маленький льняной мешочек с затяжкой. Задержала его в руках, ощущая под тканью неоднородную тяжесть.

– Что это? – спросил Максим, проходя мимо со стопкой футболок.

– Земля с нашего места, из под старого дуба. И вода... с Голубого озера. Я набрала её в бутылочку в последнее утро. Это для Владимира.

Максим приостановился, изучая ее лицо.

– Думаешь, ему это нужно?

Алиса потрогала мешочек, словно это была капсула с зашифрованным посланием.

– Нужно – нет, – задумчиво ответила она. – Но это честно. Я везу ему не подарок. Я везу ему вопрос. В материальном виде.

Она бережно положила мешочек в карман чемодана, будто отправляла на фронт парламентаря с белым флагом и тайной депешей.

Затем ее руки потянулись к дальнему ящику, где хранилось самое сокровенное – ее дары, артефакты, принадлежавшие не этому миру. Она достала пучок длинных, пестрых перьев с прожилками охры и серого, подарок – дар для Омру. Положила их аккуратно. Достала маленький ограненный желтый цитрин, холодный на ощупь – ключ к Сулейме. И тут же память, яркая и объемная, хлынула на нее.

Её первое погружение. Первое знакомство с ними. Не тот учебный нижний мир, который она потом описывала ученикам, а настоящий.

Она никогда не забудет, как сделала свои первые шаги за грань – в огромный мир, где в небе вместо луны, поражая воображение, висела огромная планета, окрашивая все вокруг в сюрреалистические цвета северного сияния. Воздух пах цветами, а под ногами лежала густая, пушистая трава. И тогда появилась она – Сулейма. Сначала лишь теплое, мягкое прикосновение шерсти к спине, щеке, ноге. Потом, осле-

питательный образ волчицы на фоне исполинской луны, воплощение материнской власти, мудрости и гордой красоты. Они соприкоснулись лбами, и Алиса увидела на ее лбу железный обруч с цитрином внутри. «Найди камень – это ключ ко мне», – пришло понимание. А когда Алиса спросила, что она может сделать для нее, волчица попросила невозможное и простое: «Прояви меня в физическом плане». И Алиса, стоя одна в своей комнате, заливаясь смехом и слезами облегчения, выла в потолок, чувствуя, как благодать и дикая, настоящая сила наполняют ее до краев. И для неё это было доказательство настоящего присутствия силы.

В следующее ее погружение, нижний мир был окрашен в теплые, песочные тона. Шелест мягких, шелковистых перьев, коснувшихся ее левой щеки. Желтые крючковатые лапы, изящный клюв. Безмолвное согласие, и вот она уже кружит на его спине, чувствуя невесомость и абсолютный покой. Его звали Омру. Он подарил ей образ мандалы из перьев в виде снежинки, как древний символ гармонии и трансформации. И вот Алиса вновь кружилась в комнате, отводя руки назад, весело уркая изображая птицу.

И, наконец, они все вместе, Сулейма и Омру, привели ее к озеру. И там, явился Дайкон. Игольчато-чешуйчатое прикосновение, не похожее ни на что. Дракон. Не мудрость, как она думала, а защита. Он ясно дал это понять, подняв свои иглы из дымчатого кварца. Он показал ей свой мир: полёт над водой, остров с пещерой. Его подарок был самым необыч-

ным— не предмет, а яркий, теплый светящийся огненный шар в ладонях, от которого по всему телу разливалось исцеляющее тепло. «Делиться светом», — было его послание.

Тогда эти три встречи слились в одно целое: твердая опора Сулеймы, свободный полет Омру и глубокая, нерушимая защита Дайкона. Они были ее советом, ее семьей, ее силой. Воспоминания об этих встречах, такие яркие и реальные, на мгновение вернули ей чувство избранности, благословенности.

Это было её островком абсолютной уверенности и принятия, тем фундаментом, на котором она построила весь свой мир. И тем страшнее теперь было чувствовать, как этот фундамент может дать трещину, а знакомые образы в темноте начнут отбрасывать не те тени.

Она положила цитрин и перья в мешочек. Но что взять для Дайкона? У него не было материального ключа. Она задумалась, потом взяла с полки гладкий, отполированный водой янтарь, нейтральный, но несущий в себе память всех стихий. Это подойдет.

Упаковывая эти сокровища, она ловила себя на мысли— раньше эти предметы были мостами. Теперь они казались ей... пропусками. Пропусками в ту самую систему, правила которой она начала ставить под сомнение. Она брала их не только для связи, но и как вещественные доказательства для самой себя и для Владимира: «Вот, смотрите, это было. Это было настоящим. А что теперь происходит?»

Чемодан щелкнул. Сборы закончены. В нем лежали не просто вещи. Лежала ее прежняя жизнь, тщательно упакованная, и невысказанный вопрос, занявший место самого ценного груза. Алиса взглянула на Максима, который проверял документы.

– Всё, – сказала она. – Я готова.

И в эти слова она вложила не только готовность к поездке, но и глухую, трепещущую готовность наконец услышать ответ. Пусть даже он будет подобен реву дракона из самой глубокой пещеры.

Глава 8: Святая Святых

Городская суэта перед аэропортом была чужеродной, душной. Неслись машины, гудели моторы. Они переходили дорогу, и Алиса, увлеченная мыслями о билетах и шамане, на секунду отстала. Резкий визг тормозов разрезал воздух. Боковым зрением она увидела стремительно приближающуюся решетку радиатора.

И время споткнулось.

Она не испытала страха. Вместо этого её охватило жуткое, кристально-ясное ощущение дежавю. Она видела это. Только в том воспоминании-видении всё шло иначе: удар, короткий полёт, тяжёлое падение на асфальт, нарастающая боль и темнота. Она видела себя лежащей, а сама при этом стояла на тротуаре, бесплотная и холодная. Картинка была настолько реальной, что у неё перехватило дыхание.

– Алис!

Сильная рука Максима рванула её вперёд, на тротуар. Машина пронеслась в сантиметрах от её ноги, клаксон яростно протрубил вслед.

Сердце колотилось, ноги подкосились. Она ухватилась за Максима, глотая воздух.

– Ты в порядке? Всё хорошо?

– Да, – выдавила она, озираясь на асфальт, где только что

видела своё мнимое тело. — Просто... показалось. Пошли.

Думать было некогда. Беготня по аэропорту, регистрация, гул самолёта, всё это постепенно смыло остроту пережитого, отодвинув в разряд «странного предотлётного стресса». Но где-то в глубине, под грузом мыслей о Владимире, осел холодный осадок: «Это было не просто “почудилось”».

На Алтае их встретил Аржан, старый знакомый и верный помощник Владимира. Его скуластое лицо расплылось в улыбке, когда он помогал закидывать чемодан и рюкзаки в выдавший виды уазик.

Дорога до урочища заняла несколько часов. Алиса прилипла к окну. Сначала были посёлки, потом редкие таёжные поселения, а затем их и вовсе поглотило первозданное величие: горные хребты, одетые в тайгу, пропасти ущельев, бескрайние просторы, где небо казалось ближе и огромнее. Энергия мест била в неё, как волна, чистая, дикая, необузданная. Она то и дело хваталась за руку Максима или прижималась к нему, ища в нём якорь, чтобы её не унесло в этом вихре впечатлений.

Наконец, уазик свернул на едва заметную колею и вынырнул на просторную поляну у подножия скалы. В центре стоял дом Владимира, не избушка, а крепкий, почерневший от времени сруб, крытый дранкой. За домом виднелся край свежего сруба гостевого домика. Вдалеке, на особом чистом месте, стояла белая войлочная юрта. Над которой сверху медленно, почти неощутимо, клубился белый дымок, а дверной

опущенный и неподвижный занавес, подчёркивал тишину и уединение.

– Владимир в месте силы, в своей юрте, – пояснил Аржан, выгружая вещи. – Вернётся завтра к вечеру. Вы пока обживайтесь в гостевом.

Гостевой домик оказался небольшим, уютным срубом. Едва переступив порог, Алиса ахнула. В небольшой прихожей, служившей одновременно и гостиной, посередине, словно сердце этого маленького деревянного мира, возвышалась огромная печь-каменка, сложенная из дикого камня и обмазанная глиной. От неё всё ещё тянуло ровным, ласковым теплом, а в воздухе витал тонкий аромат тлеющих поленьев.

Напротив нее расположился невысокий широкий помост – застеленный кошами и домоткаными дорожками. На нём горой лежали подушки – большие и маленькие, пёстрые и однотонные, из бархата и из грубого холста. Здесь же стояли лёгкие, переносные низкие столики, искусно собранные из тонких реек, за которыми можно было, сидя на подушках, не спеша трапезничать, вести долгие беседы или просто смотреть на огонь в печи.

Стол в гостиной поражал своей основательностью. Масивная, деревянная столешница, отполированная до тёплого, медового блеска, пропитанная льняным маслом, покоилась на двух мощных пнях, оставленных от срубленных здесь же когда-то деревьев. На её поверхности, отражая свет от

лампы, стояла глиняная посуда, и это зрелище было таким уютным и настоящим.

В спальне расположилась огромная кровать. Она была вырезанной из могучего дерева, тёмного и блестящего, как старая медовуха. Резные узоры на спинках изображали бегущих оленей, солярные знаки и загадочных животных, похожих на хранителей. Казалось, эта кровать выросла здесь вместе с лесом, и спать на ней, всё равно что уснуть в самой сердцевине дремучей тайги. Поверх идеально ровной стопкой, лежали покрывала. Грубый, домотканый лён и мягкий, тёплый войлок с нанесёнными природными мотивами, в которых угадывались горы, реки и бескрайнее небо.

На стенах висели панно, вырезанные из дерева. Искусные руки мастера превратили безмолвные доски в лица духов, в фигуры шаманов с бубнами, в летящих птиц с распахнутыми крыльями. Они не просто висели, они жили в этом пространстве, храня его покой.

На широких подоконниках в горшочках, обёрнутых берестой, цвели неприхотливые цветы. Аржан, перехватив её удивлённый взгляд, смущённо пояснил: «Без цветов дом слепой. Их еще мама моя когда-то посадила, мы уж бережём».

Всё здесь было пропитано заботой, уважением к традиции и той особой, суровой, но ласковой душой Алтая, которая принимала путников, укрывала их от ветра и дарила им покой.

Но Алисе не терпелось увидеть главное жилище шамана.

Аржан понимая, согласился ее туда проводить.

Войдя, она замерла. Дом был одним большим пространством, не просто жилищем, а живым организмом, дышащим в такт с ритмами земли. Посередине, на глинобитном полу, располагался открытый очаг, над которым на тяжёлой кованой цепи висел чёрный, котёл. Огонь в очаге почти погас, но Алиса чувствовала, как его тепло въелось в камни, в глину, в само дерево стен и пульсировало там тихим, дремлющим сердцем.

Воздух был густым от запахов сушёных трав, дыма, воска и ещё чего-то неуловимого, древнего, что не имело названия. Стены, сложенные из могучих, потемневших от времени брёвен, были увешаны с глубоким, почтительным смыслом шкурами разных животных, не для роскоши, не как трофеи, а как покровители, чьи души продолжали жить рядом с человеком. Связки перьев: орлиных, ястребиных, соколиных, свисали с балок, тихонько покачиваясь от невидимых сквозняков, словно перешёптываясь на своём, птичьем языке. Пучки шалфея, полыни, можжевельника, зверобоя, сухие, но всё ещё пахнущие силой, были разложены на полках.

Повсюду, на кожаных шнурках разной длины, висели обереги. Деревянные, грубо вырезанные, но в каждой линии чувствовалась такая уверенная рука, что они казались не мёртвыми предметами, а спящими стражами. Костяные, с вырезанными на них рунами, значения которых Алиса не знала, но кожей ощущала их тяжесть. И ленты чалама, всех

цветов радуги, привязанные с молитвами.

Вместо книг, на грубо сколоченных полках расположилось иное: бубны разных размеров, от маленьких, величиной с тарелку, до огромных, в половину человеческого роста, обтянутых кожей, на которой ещё виднелись следы шерсти.

Варганы – железные и медные, разложенные на войлоке, как драгоценности. Колотушки, обёрнутые замшей, палочки для извлечения звука, мешочки с камушками и семенами для ритуалов.

Алиса стояла, боясь вдохнуть полной грудью. Ей казалось, что если она закроет глаза, то услышит не тишину, а тихий, многоголосый гул – голоса всех, кто приходил сюда за помощью, всех обрядов, что проводились здесь, всех молитв, что впитались в стены. Это было не жилище. Это был инструмент. Продолжение тела и духа человека, который здесь обитал. Алтарь, кузница, приёмная – всё сразу. И находясь здесь, она чувствовала себя не гостьей, а паломницей, допущенной в святая святых.

Она вышла из дома шамана на ватных ногах – пытаюсь стряхнуть с себя оцепенение. Слишком много впечатлений для одного дня. Слишком много силы. Слишком близко к той грани, которую она пока не готова была переступить.

Глава 9: Свет и Тень

Максим остался в их гостевом домике, колдовать над аппаратурой для завтрашнего онлайн-занятия, он раскладывал провода, настраивал звук. Алиса не могла усидеть. Её ноги были готовы сами нестись прочь, к лесу, к свободе, к тишине.

Она подошла к своему чемодану, раскрытому на кровати. Секунду поколебалась, потом запустила руку в потайной кармашек, где хранила самое сокровенное. Пальцы нащупали три небольших предмета, каждый из которых был заряжен её личной историей, её верой, её связью с теми, кто стал для неё больше, чем просто духами.

Она аккуратно переложила их в карман своей куртки – ближе к сердцу. И, чувствуя, как от них исходит тонкое, едва уловимое тепло, удовлетворённо кивнула сама себе.

– Я сбегу ненадолго, – попросила она, выглядывая из двери.

Максим поднял голову и в его глазах мелькнуло что-то тёплое и понимающее. Эту Лису, когда она чувствовала зов природы или тишины, было не остановить.

– Только осторожно, – кивнул он, откладывая провода. – Не заблудись пожалуйста. Лес здесь серьёзный.

Она чмокнула его в колючую щёку и выскочила на улицу, где её уже ждал вечерний холод.

Аржан, колдовавший у костра с казаном, окинул её взглядом и, увидев тонкую городскую куртку, покачал головой, дав знак рукой подождать. Он молча скрылся в своей каморке и уже через минуту протягивал ей длинную, невероятно мягкую безрукавку, сшитую из рыжего лисьего меха. Шкура была старой, но ухоженной, рыжина отливала серебром, а подшёрсток казался таким тёплым, что Алиса, только прикоснувшись, почувствовала, как по телу разливается уют.

– Вечером холодает, – сказал Аржан назидательно, как учитель нерадивому ученику. – Дух холода не должен касаться костей. Лиса – зверь хитрый, к холоду приспособленный. Пусть теперь тебя греет.

Надев тяжёлую, но удивительно уютную безрукавку, Алиса пошла к тропинке ведущую к ручью, на которую указал Аржан. К ней тут же подбежала местная лохматая собака, не породистая, с обвисшими ушами и пушистым хвостом, но с такими умными и добрыми глазами. Повиляв хвостом, собака ткнулась мокрым носом в её ладонь, а затем пошла впереди, как провожатый, то и дело оглядываясь, не отстаёт ли гостья.

Алиса углубилась в лес. Здесь, под пологом высоких кедров и пихт, было сумрачно, торжественно и пахло так, как пахнет только настоящая тайга: прелой хвоей, грибами, холодной водой и вечностью. Тропинка вилась, петляла, пока не вывела её к шумному ручью. Он сбегал с каменных ступеней в маленькую, кристально чистую заводь, где вода, ка-

залось, светилась изнутри. Солнце уже клонилось к острым зубцам хребта, окрашивая воду в расплавленное золото и холодную, предвечернюю синеву.

Здесь, в этом неумолчном шёпоте воды, она наконец-то почувствовала то, что искала весь день – покой. Не мёртвую тишину, а живую, наполненную звуками гармонию.

Собака, довольно вздохнув, улеглась рядом на мягкий мох, положив морду на лапы и прикрыв глаза, но уши её продолжали чутко двигаться, охраняя покой гости.

Алиса села на большой, плоский камень, поросший зеленовато-седым, невероятно мягким мхом. Он пружинил под ней, как живой. Она достала из кармана три привезённых сокровища и разложила их перед собой на камне, как жертвоприношение.

Маленький, чуть надломленный пучок пестрых перьев, подарок для Омру. Они были мягкими на ощупь, с тёплыми прожилками охры и серого, и в них, казалось, всё ещё жило эхо того первого полёта над волшебным лесом. Алиса бережно взяла несколько пёрышек и, задержав дыхание, опустила их по ветру на воду. Течение подхватило их, закружило в медленном хороводе и понесло вниз, к заводи. На мгновение перья засветились в луче закатного солнца и исчезли за поворотом ручья. Прощальный жест. Приветственный знак.

Следующим был тонкий кожаный шнурок, на который она ещё утром нанизала маленький, огранённый цитрин, жёлтый, тёплый, словно впитавший в себя солнечный свет. Для

Сулеймы. Алиса искала глазами и нашла идеальное место – невысокий, корявый кустик маральника, склонившийся над водой. Она аккуратно повесила шнурок на веточке. Цитрин качнулся и вспыхнул, поймав луч, жёлтым глазом, маячком, связующим звеном между мирами. Ветка чуть дрогнула, будто кто-то невидимый осторожно коснулся её, проверяя подношение.

И последний дар – небольшой, гладкий янтарь. Миг из прошлого, застывший навечно. Для Дайкона, водного дракона, чья стихия – глубина. Алиса зажала камушек в кулаке, согрела его своим теплом, прошептала слова благодарности за его защиту, за тот свет, что он дарил ей. И разжала пальцы над заводью. Янтарь, чуть помедлив, пошёл ко дну, сверкнув на прощание тёплым, медовым огнём. Круги разошлись по воде и стихли. Глубина приняла дар.

Алиса сидела неподвижно, вслушиваясь в тишину, и вдруг почувствовала. Лес вокруг изменился. Не стал чужим, стал внимательным. Шум воды приобрёл новые обертоны, ветви деревьев кивали кронами и как в знак приветствия, лёгкий ветерок нежно коснулся её щеки.

Её слышали. Её дары приняли.

Алиса закрыла глаза, позволив звуку ручья унести все мысли, все тревоги, все вопросы. Дыхание замедлилось, границы тела растворились, и она провалилась в ту особую, зыбкую глубину, где начинается настоящая медитация.

И почти сразу пришло тепло. Знакомое, родное, про-

питанное запахом яблочных пирогов, старого бабушкиного сундука.

«Бабушка?»

Образ не расплывался, не дрожал, как это бывало последнее время. Он проявился чётко, ярко, объёмно. Перед её внутренним взором стояла её прабабушка: в том самом ситцевом платочке, из-под которого выбивались седые, но всё ещё густые волосы, с мягкими морщинками у глаз, полных такой живой, такой настоящей, такой всепрощающей любви, что у Алисы, сжалось сердце и навернулись слёзы.

«Здравствуй, моя хорошая, – раздалось в её сердце не голосом, а смыслом.

«Я так испугалась, что ты не придешь, – выдохнула Алиса. – Там, в последние дни, когда я пыталась к тебе прийти.. Я сомневалась, это ты... или не ты... Я боялась, что род отвернулся от меня, что я тебя потеряю».

«Меня-то? Да я никуда и не уходила. Твои сомнения – не слабость, а фильтр. Оно отсеивает чужое от своего». Её глаза, выцветшие, но всё ещё острые, с хитринкой – смотрели прямо в душу.

«Ты на своём месте, внученька. Ты пришла туда, куда нужно», – прозвучало в её сердце.

«Я боюсь, бабуль. Я многое перестала понимать».

«Понимание придёт. Доверяй себе внученька, своим ощущениям, если чувствуешь себя больше, сильнее, спокойнее – значит это – твой род».

Алиса кивнула, чувствуя, как ком в горле рассасывается.

«Я так боялась, что останусь одна, – прошептала она. – Что тот свет, который я чувствовала, может погаснуть, и вас ...тебя не станет».

«Дитятко,» – бабушка покачала головой, и в этом жесте было столько любви, что Алиса едва не задохнулась.

«Род, это не свечка за спиной. Не абстрактная сила. Мы – твой фундамент. Ты споткнешься – мы поддержим. Заблудишься – подскажем дорогу домой. Но идти тебе. Выбор делать тебе. Мы верим в тебя – вот в чем наша помощь. Остальное ты сама».

«И что мне делать с тем...? С тем зовом? » – спросила Алиса, чувствуя, как старые страхи снова шевелятся в груди.

Бабушка помолчала.

«А придёт время – сама поймёшь, – сказала она наконец. – Не всё сразу. Семя падает в землю, зимует, корни пускает – и только потом росток выходит. Ты сейчас как семя. Лежишь в земле, в темноте. Мы твои корни. Держим тебя, питаем. И вот однажды росток пробьется на свет. А когда время придёт – сама решишь, каким цветком расцвести».

Она подняла глаза, и в них Алиса увидела всю бесконечность родовой памяти – лица, которых помнила и тех кого никогда не знала. И от них шло такое тепло безусловной любви.

«Одно запомни, внученька. Не теряй веры в нас. И память о корнях своих береги. А остальное... остальное приложит-

ся».

Тепло разлилось по всему существу Алисы, заполняя каждую клетку, каждый уголок души, где ещё прятался страх. Она выдохнула, и вместе с выдохом ушли последние остатки дрожи, последние сомнения, последняя горечь.

Образ стал таять, Алиса не хотела открывать глаза.

Её вернул в реальность дикий, протяжный вой, донёсшийся откуда-то издалека, с гор. Не собачий. Волчий. Или что-то иное. Она вздрогнула. Собака тоже подняла морду, прислушиваясь, шевеля ушами.

На воде, у самого берега, в траве покачивалось яркое, пёстрое перышко, будто только что упавшее. Она бережно пустила его по течению – приветствие и благодарность духу места. Сразу же с ветки старой ели бесшумно сорвалась и улетела вглубь леса крупная птица. Совиный силуэт мелькнул на фоне багряного неба. Знак. Она всё делает правильно.

Собака, окончательно проснувшись, вскочила и побежала вперед по тропе к дому. Алиса шла следом.

И почти выйдя на опушку, она почувствовала это. Резкий, пронизывающий холодок в спину, будто кто-то дотронулся до неё сосулькой. Она обернулась.

Там, в густых сумерках меж стволами, на неё смотрела тень. Не просто темнота. Пятно густого, непроглядного мрака, которое не смешивалось с лесными тенями. Оно было иной плотности. Иной природы. В нём не было глаз, но Алиса на физическом уровне ощутила на себе пристальный, оце-

нивающий, чуждый взгляд. Это длилось секунду. Меньше. Тень растворилась, как чернильная капля в воде.

Но ощущение осталось. Кто-то смотрел. Кто-то наблюдал. И это наблюдение не имело ничего общего с заботливым взором бабушки или мудрым присутствием животных-проводников.

Она почти бегом вышла на поляну. Из трубы их гостевого домика валил дым, а у большого костра Аржан помешивал что-то в котле, откуда шёл божественный запах ухи. Максим, уже закончив с техникой, разливал по кружкам дымящийся травяной чай из большого термоса.

Увидев Алису, бледную, закутанную в лисью шкуру, с огромными глазами, он сначала встревожился. Но потом рассмеялся:

– Смотри-ка, настоящая таёжная душа! Идёт, вся в мехах и тайнах.

Его смех, его простые, тёплые слова стали для неё важнее всех её страхов.

Она приблизилась к нему, словно поддавшись незримо-му порыву, обняв его, доверчиво уткнулась носом в тёплую шею. Затем, с лукавой игривостью, начала нежно водить носом, вдыхая родной аромат, точь-в-точь хитрая лиса, отслеживающая добычу. В каждом её движении сквозила нежная шалость, будто она на миг превратилась в озорного лесного зверька, исследующего свой маленький волшебный мир.

Насмеявшись и отпив ароматного чая, она подошла к ко-

стру и протянула к нему руки, чтобы согреться. Аржан протянул ей деревянную чашку с дымящейся, наваристой ухой. Желудок сжался от голода. Вкус был божественным – простая, честная еда земли и воды.

Они ужинали под пронзительно-яркими алтайскими звёздами, слушая треск поленьев и тихие рассказы Аржана о здешних духах-хозяевах. Алиса прижималась к Максиму, пила горячий чай и старалась не думать о тени в лесу. Впереди была тёплая постель и долгожданная встреча с Владимиром. На сейчас, ей хватало этого: очага, ухи, крепкого плеча любимого и загадочного, необъяснимого тепла в её собственном сердце.

Глава 10: Утренний эфир у горной реки

Рассвет на Алтае был не просто временем суток. Это было пробуждение самого мира.

Воздух, хрустально-холодный и острый, пах смолой, мокрым мхом и первозданной свежестью. Солнце ещё не показалось из-за зубчатой гряды, но восток тлел персиковым золотом, растворяя ночную синеву в прозрачном аквамарине.

Внизу, в долине, цеплялись за землю последние клочья тумана, похожие на разорванную вату. Именно здесь, на плоском, ещё прохладном от ночи камне, на берегу быстрой, звонкой горной реки, Алиса готовилась к эфиру.

Максим, кутаясь в куртку, помогал ей как инженер изящных дел. На штативе была закреплена камера. Рядом лежал портативный блок питания и модем с усиленной антенной

Владимир заранее указал это «место силы» как точку стабильной связи. Алиса поправила микрофон-петличку на флисовой кофте, взглянула на экран ноутбука, где в окнах конференции зажигались пиксельные лица сонных, но любопытных участников. Их знакомый зал в городе казался отсюда маленькой игрушечной коробочкой.

– Все меня слышат? Видят? – её голос в утренней тишине

звучал особенно чисто, звонко, слегка разбиваясь эхом от скал.

В наушниках слышались сдавленные восхищённые возгласы. Люди допивали свой утренний кофе в бетонных коробках, а перед ними на экране разворачивалась живая, дышащая мощь пробуждающейся природы.

– Сегодня наша практика будет тихой и глубокой, как это утро, – начала Алиса, и слова лились сами, без усилия. – Мы не будем ничего визуализировать. Просто позвольте себе быть здесь, со мной. Закройте глаза и слушайте. Слушайте мой голос и тот мир, который звучит вокруг.

Она сделала паузу, дав людям настроиться. В эфир понеслись звуки, которые не смог бы сгенерировать ни один аудиоплеер, сама симфония утра: безостановочный, многослойный перекал воды по гальке, щебет первых, невидимых в тумане птиц, потрескивание остывшей за ночь коры на сосне позади. Шёпот пробуждающегося леса. Алиса сама погрузилась в этот звуковой поток, позволив ему смыть последние остатки внутреннего диалога.

– А теперь дыхание, – её голос стал тише, слившись с шумом воды. – Вдыхайте этот воздух вместе со мной. Он холодный, он колющий, он обжигает лёгкие и промывает мысли до скрипа. С каждым вдохом втягивайте в себя эту ледяную ясность. А с выдохом отпускайте всё, что копилось в темноте. Все тревоги, все тяжёлые сны. Всё что не ваше, всё что не любовь. Отдайте их этой реке. Она растворяет и уносит

с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.